

Желание
женщины

**Читайте
любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой:**

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волишебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
В Коктебеле никто не торопится
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Первый шаг к мечте
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Дьявол кроется в мелочах
Туман над темной водой
Лунная дорога в никуда
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Кружевное убийство
Тайну прошепчет лавина
Алая гроздь турмалина
Рассвет наступит незаметно
Запретные воспоминания

*Все события вымышлены,
любые совпадения случайны.*

Деревянный дом, выходящий фасадом в тень раскидистой липы, притих и словно замер в ожидании неизбежных перемен. Дом был очень стар – в прошлом году отметил свое двухсотлетие, – однако о своем возрасте и юбилее точно знал только он. Для всех остальных существовала строчка в Википедии: «Построен в первой трети XIX века, автор проекта неизвестен». Но дом трепетно помнил и год, и обстоятельства своего появления на свет, и даже предшествующие этому события, коим он стал неожиданным хранителем.

Эти стены действительно видели и помнили многое. Исторической эпохе дом был не просто свидетелем, а скорее участником. Соучастником даже. К своему статусу объекта культурного наследия регионального значения дом относился слегка иронически, но именно он позволял ему до сих пор оставаться в живых.

Расположенный на одной из центральных улиц старинного губернского города, но при этом чуть в стороне от основного людского и машинного потока, в тихом и зеленом месте, он бы уже давно был сровнен с землей ради возведения какого-нибудь современного особняка, если бы не охранный грамота, прилагавшаяся к статусу.

Благодаря ей он до сих пор скрипел на ветру и при этом хранил от случайных глаз важную, большую и страшную тайну. Если бы он был живым существом, то, несо-

мненно, считал бы, что в соблюдении этой тайны и заключается его особая миссия. Но он был всего лишь древним деревянным домом, чьи рассохшиеся половицы провалились от старости, фундамент почти рассыпался в крошку, а когда-то величавые колонны на фасаде потрескались, угрожая обрушиться под тяжестью фронтона.

До недавнего времени, точнее, до конца только что отцветшего мая в доме располагалась музыкальная школа. Однако находиться в нем, кряхтящем от старческих болячек, детям становилось опасно, а потому городские власти с облегчением приняли предложение известного мецената взять дом в льготную аренду за один рубль в год. За это меценат обещал отреставрировать его за свой счет с соблюдением всех требований сложного и запутанного российского законодательства по охране памятников культурного наследия.

Опыт такой тяжелой и неблагодарной работы у мецената имелся. Два года назад он уже взял на тех же условиях ответственность за другой исторический особняк, который с тех пор перебрали до досочки, по кирпичику и полностью восстановили. Теперь этим примером государственно-частного партнерства гордились городские власти, проект реставрации собрал всевозможные архитектурные премии, к особняку возили туристов, а семья мецената даже поселилась в нем, заняв личными комнатами второй этаж, а на первом открыв сувенирную лавку и цветочный магазин.

Теперь и второй дом, по всей видимости, ждала такая же судьба. К предстоящим переменам дом относился настороженно, не желая за здорово живешь отдавать свою тайну. Конечно, оставалась надежда, что ее удастся оставить в секрете: то, что хранил дом, было упрятано на-

дежно. За двести лет не нашли, глядишь, так и останется. А если нет?

Сберегаемая домом тайна была немного постыдной, и привлечения к себе всеобщего внимания, неизбежного, если она вскроется, он вовсе не желал. Вот только изменить ничего не мог. Музыкальная школа съехала, в опустевшие стены уже несколько раз наведывались архитекторы и строители, поэтому дом знал, что до начала ремонтных работ остались считанные дни. Знал и размышлял, кому из бывающих «на объекте» людей доверить свой секрет.

Одна из посетительниц нравилась дому больше других. Невысокого роста хрупкая женщина лет тридцати пяти числилась главным архитектором-реставратором, и в ее облике что-то неуловимо напоминало о дамах, бывавших здесь до 1917 года. Конечно, ни одеждой, ни прической, ни деловитостью она ничуть на них не походила, но почему-то при каждом ее визите дом вспоминал о своем прекрасном прошлом, когда он был молодым, модным и полным жизни. Кажется, у людей это называлось словом «порода». Пожалуй, если выбирать, то дом предпочел бы раскрыть свою тайну ей, но пока лишь наблюдал, пользуясь главным преимуществом своего возраста – терпением и умением ждать.

На улице шел ночной дождь, отбивал чечетку по местами прохудившейся крыше, одна из стен, примыкающая к дворовому фасаду, постепенно отсыревала, но сейчас это уже не имело значения. Дом мирно дремал под звуки летнего дождя, сбивавшего липовый цвет и наполнявшего воздух нежным цветочным ароматом вперемешку с озоном. Не было на свете ничего лучше запаха, даруемого летним дождем, и дом чувствовал себя

спокойно и умиротворенно, поскольку именно белыми летними ночами ему особенно часто вспоминалось то хорошее, что происходило в его стенах.

То ли в воспоминаниях, то ли во сне кружились пары в бальном танце, развевались подолы женских шелковых платьев, под аромат сигарного дыма велись степенные мужские разговоры, а в одной из задних комнат играла с дорогой иностранной куклой маленькая девочка со светлыми кудряшками. То, что хранил дом, предназначалось ей, но не сложилось, не срослось. Так бывает.

Странный звук пробудил дом от дремы, заставил вздрогнуть, вызвав дребезжание половиц. Кто-то влез внутрь, аккуратно выдавив стекло со стороны двора. Странно, кто бы это мог быть? Впрочем, кем бы ни оказался неожиданный посетитель, его визит не нес ничего, кроме зла. Добрые люди не проникают в чужие дома, выдавливая стекла, да еще под покровом ночи.

Незванный гость не торопился, неспешно обходя комнату за комнатой. Он явно что-то искал, подсвечивая фонариком, свет которого был направленным, а потому невидным с улицы. В руках он держал какой-то лист, периодически переводя взгляд с него на потолок, стены и пол. Много лет дом ждал, когда скрытое в нем кто-нибудь обязательно начнет искать. Неудивительно, что это случилось. И то, что именно сейчас, тоже – шум новости об аренде и последующей реставрации наделали большой. Тот, кто ищет, понимает, что времени у него осталось немного.

Новый звук разрезал ночную тишину. Теперь открылась и мягко закрылась отпертая ключом центральная входная дверь. Шаги, раздающиеся из прихожей, были уверенными, хозяйскими. И проследовали они не в зад-

нюю служебную часть, а в парадную анфиладу комнат. Первый визитер тоже услышал эти шаги – выключил фонарь и замер, видимо принимая решение.

Старый дом тоже замер, предчувствуя беду. Если бы у него были глаза, то он бы обязательно зажмурился, чтобы не видеть всего того, что будет дальше. Но дома не умеют жмуриться, поэтому, вздыхая и скрипя от волнения, он стал свидетелем очередного поворота истории, свершающегося под его крышей.

Второй визитер даже не успел подготовиться, повернувшись на тихий звук шагов за спиной лишь в самый последний момент. Он лишь вскрикнул от неожиданности, вцепился в то, что держал его враг, и тут же упал от удара, нанесенного рукояткой фонаря в висок. Матерясь сквозь зубы (этого старый дом совсем не любил), первый незваный гость окинул взглядом поле короткой битвы, присел, приложив пальцы в резиновой перчатке к шее своей жертвы, снова замер, словно в раздумье, что делать дальше, но задерживаться на месте только что совершенного преступления не рискнул.

Опять прошелестели едва слышные шаги, крякнула рама окна, и человек исчез так же, как появился, нырнув в буйство зелени остатков неухоженного сада. Снова погрузившись в полную тишину, которую теперь ничего не нарушало, даже летний дождь, дом печально и торжественно смотрел на лежащее в одной из своих гостиных тело. За чем бы ни приходили эти двое, оно пока осталось у дома.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

Лена, точнее Елена Николаевна Беседина, поскольку именно так ее звали практически все знакомые, проснулась словно от удара и села в постели, тяжело дыша и потирая висок, который наливался тупой болью. Часы, мерцавшие в полумраке, показывали классический «час волка» – самое начало четвертого, момент перед летним рассветом, то самое время, когда, по статистике, умирает больше всего людей.

После того как именно в этот проклятый час Лена потеряла сначала отца, а потом и маму, это время она особенно не любила, и если просыпалась между тремя и пятью часами утра, то чувствовала безотчетную тревогу, даже страх. Она растерла лицо руками и прислушалась к ощущению, похожему на дрожащее внутри желе. Что-то должно случиться.

Встав с кровати, она нащупала ногами тапочки, стараясь двигаться неслышно, вышла из спальни в коридор, дошла до комнаты сына и заглянула через приоткрытую дверь. Разметавшийся на кровати Митька спал крепко и спокойно, как и положено в двенадцать лет. Ее тихих шагов он, разумеется, не услышал. Немного успокоенная, Лена вернулась в спальню и рассеянно погладила вопросительно глядящую на нее собаку.

Пес, восемь лет назад подобранный на улице спаниель по кличке Помпон, разумеется, не мог не заметить

ее ночных передвижений, но вставать в силу возраста ему уже было лень, потому он спокойно дождался возвращения хозяйки, чтобы убедиться — все в порядке. Помпон был собакой спокойной и с чувством собственного достоинства, так что суетиться не любил.

— Спи, — прошептала ему Лена, — рано еще.

Успокоенный ее голосом, пес послушно откинулся на свою мягкую лежанку и тут же засопел. Лена легла в кровать, жалея, что не может последовать его примеру, и твердо уверенная в том, что больше не заснет. Такое с ней случалось, если она просыпалась в «час волка». Нечасто, но бывало, и главное, что сейчас следовало сделать, это занять голову чем-нибудь полезным, чтобы не попасть в плен к глупым страхам.

К счастью, подумать ей было о чем. В ближайшие дни стартовали работы по реставрации старинного и очень известного дома, за которую она отвечала от и до, поскольку была главным архитектором-реставратором проекта. К дому она относилась с почтением, поскольку его история этого заслуживала, а к новому владельцу с не менее искренним уважением, потому что человеком он был уникальным. В нынешние времена, когда все вокруг покупалось и продавалось, а любые решения принимались только в пользу потенциальной прибыли, этот человек был настоящим меценатом, готовым вкладывать ресурс в виде денег и времени в восстановление памятников истории и архитектуры, которые без этого неминуемо погибли бы, причем уже в ближайшие годы.

Мецената звали Петр Беспалов, и первая встреча с этим человеком состоялась у Елены Бесединой два с лишним года назад, когда он уговорил городские власти передать ему исторический особняк — дом Балуевских.

Лена была очень горда тем, что работу по реставрации этого здания он поручил именно ей, хотя особого опыта у Бесединой тогда и в помине не было. Да, она увлекалась историей архитектуры и про городские особняки XIX века знала, пожалуй, все, но ее реставрационное портфолио было более чем скромным.

Беспалов ей поверил, и она поклялась самой себе, что не подведет. За хранившимися в архиве материалами по истории дома Балуевских она провела не одну ночь, над чертежами и эскизами – и того больше, но результат превзошел все ожидания. Дом засиял новыми красками, сохранив при этом свои уникальные черты и максимум исходных материалов. Его разобрали, почистили, ошкурили, собрали, укрепили и покрасили фактически заново, и сейчас это был, пожалуй, лучший в их городе образец особняка XIX века, в котором можно жить, работать и проводить экскурсии без опаски падения чего-нибудь на голову. К сожалению, таким состоянием другие старинные дома в их городе похвастаться не могли.

Работа была закончена только осенью, но за прошедшие месяцы Лена успела соскучиться по ежедневным визитам на объект, к которому относилась как к своему ребенку. Она знала в доме каждую трещинку, каждую половицу, каждый наличник. Она любила его и знала, что он отвечает ей взаимностью. Дом был благодарен Елене Николаевне Бесединой за то, что она его спасла.

Наверное, своему владельцу дом был благодарен в первую очередь, но Беспалов теперь в нем жил вместе со своей женой, так что пользоваться результатами этой благодарности мог сполна, а вот Лена бывала там нечасто. Если уж быть совсем точной, то с октября, когда была закончена реконструкция, и до марта, когда Беспалов при-

гласил ее в гости, чтобы объявить: берет в льготную аренду второй старинный особняк, – в доме Балуевских она не бывала ни разу. И, только войдя внутрь просторной гостиной, поняла, как сильно, оказывается, соскучилась.

– Здравствуй, – шепотом сказала она дому, с которым привыкла разговаривать во время ежедневных встреч. В ее понимании дом был живым существом, но Лена никому про это не рассказывала, чтобы не сочли сумасшедшей. В сознании окружающих она и так числилась женщиной со странностями.

К предложению возглавить новые реставрационные работы она отнеслась с восторгом, потому что это означало не только стабильный заработок, но и интересную задачу, в которую можно нырнуть с головой. На этот раз Беспалов был намерен вложить средства в спасение одноэтажного старинного особняка, носившего имя своего последнего владельца – бывшего городского головы Николая Яковлева, возглавлявшего их небольшой губернский город с 1893-го по 1917-й.

Информации о доме, являющемся памятником культурного наследия регионального значения, было немного. Даже год постройки был приблизительным – первая половина XIX века, а уж имя архитектора и автора проекта вообще неизвестно. Со стороны улицы это был одноэтажный особняк с высокой цокольной частью, сейчас изрядно разрушенной, выполненный в подчеркнуто парадных ампирных тонах. Центр здания выделялся шестиколонным тосканским портиком с фронтоном. Окна декорированы тонкими, слегка изогнутыми сандриками-«бровками».

Дворовый фасад дома выглядел значительно проще – не имел портика, определяющим всю архитектуру был низкий антресольный этаж и характерное для про-

винциальных купеческих особняков крыльцо с зонтом на металлических узорных кронштейнах. Вдоль уличного фасада шла анфилада парадных комнат, то есть залы и гостиных, со стороны дворового фасада располагались спальни и комнаты для прислуги. Сбоку к дому когда-то примыкал зимний сад, уничтоженный после революции.

На данный момент из элементов внутреннего интерьера сохранились только межкомнатные двери из красного дерева с позолотой, и, пожалуй, проект можно было бы считать скучным, если бы не изразцовые печи в каждой комнате, декорированные белым кафелем и украшенные античными фигурами: были танцовщица в древнегреческой одежде, муза с лирой в руках и два воина в доспехах. Задача по реставрации этих четырех фигур — по числу парадных гостиных — по интересности с лихвой компенсировала все остальные рутинные работы по подъему и укреплению фундамента, очистке, ошкуриванию и покраске стен, замене прогнивших половиц, усилению конструкции портика и восстановлению внутреннего убранства. Но браться за печи стоило лишь в последнюю очередь, когда основные работы будут уже позади. Хороший стимул работать быстро.

Погрузившись в архивные материалы, Лена, например, с изумлением обнаружила, что печи в доме Яковлева повторяют старинные печи в доме Мятлевых, возведенном в XVIII веке на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. Ей было любопытно, как связаны два старинных дома, построенные с разницей более чем полвека в совершенно разных городах и не имеющие, кроме печей, ни одной общей черты, но в Интернете и в архивах об этом ничего не было, и больше думать про это Лена Беседина не стала, потому что к реставрации

это вряд ли имело отношение. Просто внутри зудело любопытство, но эту черту своего характера Лена знала и пыталась держать его в узде.

На переговоры ушло довольно много времени, но с того момента, как Беспалов подписал с ней контракт, она бывала в доме Яковлева практически ежедневно. Сейчас, по прошествии двух недель, ей начало казаться, что этот особняк тоже доверился ей и готов разговаривать на понятном только им двоим языке. Поэтому, по утрам приезжая на объект, она так же тихонько говорила дому «здравствуй», а он поскрипывал в ответ несложное приветствие, гарантирующее, что день пройдет хорошо. В конце концов, звание женщины со странностями нужно было оправдывать.

Сегодня у Лены была назначена первая встреча со строителями, которые под ее чутким руководством должны были выполнять все работы. Та бригада, с которой она работала на доме Балуевских, сейчас оказалась занята, поэтому после долгих и придирчивых изысканий Лена и Беспалов остановились на небольшой, но опытной компании «Турмалин». Ее основатель, владелец и директор Дмитрий Макаров имел репутацию человека слова, обладал деловой хваткой и умел ладить с рабочими, которые под его надзором не уходили в запой, не продавали стройматериалы с объекта и не работали спустя рукава.

Точнее, проводил переговоры и принимал решение, конечно, Беспалов, а Лена просто навела справки, потому что напрямую общаться со строителями предстояло именно ей. Собранная информация вселяла некоторое спокойствие, так что никаких особых волнений по поводу первой встречи с Макаровым Лена не испытывала. Но подготовиться стоило, тем более что время позволяло.

Решительно выбравшись из кровати, она села за письменный стол, разложила чертежи и погрузилась в работу. До встречи, намеченной на восемь утра, оставалось четыре часа, а еще же Митьке надо завтрак приготовить.

Впрочем, в чертежи она сейчас вглядывалась только ради того, чтобы сбежать от проснувшегося внутри неведомого страха. По большому счету все давно было готово, но проверять себя в мельчайших деталях лучше, чем тревожиться неведомо из-за чего.

Через два часа Лена наконец аккуратно собрала необходимые бумаги в папку и пошла на кухню, приняв решение испечь блины, которые сын очень любил. Вечно занятая мать баловала его кулинарными изысками нечасто, обычно сыну приходилось довольствоваться на завтрак кашей или творогом со сметаной, но почему бы и нет, раз есть время.

Без четверти восемь на столе стояла пышная стопка блинов, укрытых для верности полотенцем, плоска с вареньем и добытая из холодильника банка с красной икрой. Митька проснется, а тут вкусный завтрак, вот и хорошо, вот и славно. Мазнув помадой по губам и бросив критический взгляд на отражавшуюся в зеркале не очень молодую уже женщину с растрепанными короткими волосами и каким-то потухшим взглядом, Лена похлопала по карманам, проверяя, на месте ли телефон, ключи от машины и проклятущая маска, без которой нынче никуда. Она схватила рабочую папку и отправилась на встречу, от которой напрямую зависел предстоящий — и довольно надолго — отрезок жизни.

Ровно в восемь — больше всего Елена Николаевна Беседина ценила в людях пунктуальность — она поднялась на небольшое крыльцо дома Яковлевых и вставила